

УДК 811.133.1 Шамфор.06: 821.133.1 – 84

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В «МАКСИМАХ И АНЕКДОТАХ» ШАМФОРА

Марина Юрьевна Ивонина

аспирант кафедры романской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. marina_vv@mail.ru

Анализируется произведение Шамфора «Максимы и анекдоты», включающее в себя тексты нескольких малоформатных речевых жанров, которые отличаются сжатым изложением мысли, повышенной эстетической нагруженностью каждого элемента. Одним из способов решения этой задачи у Шамфора является использование прецедентных явлений – цитат, названий произведений, имен их авторов и персонажей и т.д. Прецедентные тексты являются одним из средств достижения афористичности стиля, создания выразительной характеристики ситуации или персонажа, служат реализации коммуникативной направленности речевых жанров, выступают в качестве единиц номинации, а также могут способствовать идентификации жанра читателем.

Ключевые слова: прецедентные тексты; имена; Шамфор; малоформатные речевые жанры; афористичность.

Во французском литературном наследии XVIII в. значительное место занимает произведение Себастьяна Рок-Никола Шамфора «Творения усовершенствованной цивилизации», известное также под названием «Максимы и мысли, характеры и анекдоты» [Chamfort 1960, далее Ch]. В этом произведении получили развитие различные направления и традиции французской литературы предшествующих лет, в частности, традиции морально-философской афористической (Ф.Ларошфуко, Б.Паскаль, Ж. де Лабрюйер) и бытописательной прозы (Р. де Бюсси-Рабютен, Брантом, Тальман де Рео). Преемственность Шамфора по отношению к названным авторам проявляется как в обращении к сходным темам, так и – прежде всего – в выборе тех же жанров, в которых работали его предшественники: тексты, входящие в состав произведения, относятся к малоформатным жанрам максимы, мысли, характера, анекдота.

Общим свойством этих малоформатных жанров является их афористичность, которая не сводится к простому использованию автором афоризмов в своей речи, а выступает качественной характеристикой авторского стиля в целом [Бажалкина 2009: 31]. Это понятие выражает неразрывную связь содержания текста, его риторической направленности и формы его языкового воплощения. Афористичность представляет собой комплексное свойство текста, объединяющее в

себе его лаконичность, обособленность и художественную завершенность, экспрессивность и образность формулировки, цитируемость, аксиологичность, общезначимость текста. Малоформатные жанры отличаются сжатым изложением мысли (а в жанре анекдота – и сюжета), а также повышенной эстетической нагруженностью каждого элемента.

Одним из средств достижения этих задач в малоформатных произведениях Шамфора выступает использование прецедентных текстов – текстов, имеющих сверхличностный характер, т.е. хорошо известных широкому окружению личности, включая ее предшественников и современников [Караулов 1987: 216]. Применительно к личности автора его «широким окружением» выступает современное ему светское общество, а также читатели произведения.

Прецедентность многообразно представлена в произведении Шамфора. В первом приближении выявление прецедентных феноменов в тексте позволяет составить представление об интеллектуальном и эстетическом колорите эпохи. Прецедентные явления у Шамфора относятся преимущественно к следующим группам: 1) латинские и греческие (в переводе) изречения античных авторов (Гораций, Лукреций, Плутарх и др.); 2) точные или перефразированные цитаты из произведений французских авторов, а также писателей других стран Европы (Рабле, Корнеля,

Расина, Мольера, Вольтера, Буало, Мильтона, Данте и др.); 3) названия произведений; 4) имена персонажей произведений; 5) имена авторов произведений; 6) цитаты, имена персонажей, отсылки к сюжетам из Библии; 7) имена персонажей античной мифологии; 8) имена исторических личностей; 9) пословицы и поговорки; 10) устойчивые фразы повседневного обихода. Совокупность прецедентных текстов, выявленных в «Максимах и анекдотах», позволяет судить о том, какие произведения и авторы были широко известны в современном автору светском обществе второй половины XVIII в. Прецедентные тексты присутствуют в дискурсе, как правило, в свернутом, сжатом виде, но этого достаточно, чтобы автор путем краткого упоминания заглавия текста, цитаты из него, имени персонажа или писателя мог актуализировать в сознании читателя или слушателя весь прецедентный текст. Так, например, в следующей мысли Шамфор цитирует реплику из трагедии П.Корнеля «Медея»:

On a trouvé le *moi* de Médée sublime; mais celui qui ne peut pas le dire dans tous les accidents de la vie est bien peu de chose, ou plutôt n'est rien [Ch: 330]. Мы недаром восхищаемся ответом Медеи «Я!»: кто не в силах сказать то же самое при любой житейской превратности, тот немногого стоит, вернее, не стоит ничего [Шамфор 1993: 54, далее Ш].

Упомянутый ответ Медеи «Moi!» звучит у Корнеля в ответ на реплику «Dans un si grand revers que nous reste-t-il?». Приводя цитату, Шамфор не указывает имени автора и не приводит контекст высказывания – предполагается, что адресат этого текста хорошо знаком с произведением Корнеля и может по одной ключевой реплике восстановить контекст ее произнесения.

Значительный интерес при исследовании текстов Шамфора, недостаточно изученных в собственно лингвистическом отношении, представляет определение роли, которую играют прецедентные тексты в структуре произведений, соотносимых с **малоформатными речевыми жанрами**. Прежде всего, включение прецедентных текстов в эти произведения является одним из способов реализации коммуникативной направленности речевых жанров, которые понимаются как «вербальное оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов 2007: 8]. Прецедентные явления провоцируют адресата высказывания, осуществленного в данном речевом жанре, на **активное восприятие**, размышление, «расшифровку» авторской мысли.

Использование прецедентных текстов является одной из составляющих **афористического стиля** автора. Стремясь к лаконичности, концентрированному выражению своей мысли, автор

использует прецедентные тексты как «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки» [Караулов 1987: 220], воспринимая которые, адресат речевого жанра может реконструировать контекст упомянутого произведения с присущей ему системой смыслов, образов, ассоциативных связей. Именно на знании сюжета трагедии «Федра», представленной лишь ее заглавием, основана ирония в следующем тексте:

C'est une chose curieuse que l'histoire de Port-Royal écrite par Racine. Il est plaisant de voir l'auteur de *Phèdre* parler des grands desseins de Dieu sur la mère Agnès [Ch: 393]. История Пор-Рояля, написанная Расином, – поистине примечательное произведение. Весьма занятно читать, как автор «Федры» рассуждает о великом предназначении, уготованном господом матери Агнессы [Ш: 217].

Читателям – современникам Шамфора были хорошо известны как трагедия Ж.Расина «Федра», так и история матери Агнессы, настоятельницы Пор-Рояля, и существовавшей там янсенистской общины, и ироническая тональность мысли Шамфора была для них более прозрачной, чем для современного читателя.

Введение в виде прецедентного текста известного литературного или мифологического сюжета является – за счет реконструкции читателем всего контекста данного сюжета – способом **создания выразительной характеристики** ситуации:

Les courtisans et ceux qui vivaient des abus monstrueux qui écrasaient la France, sont sans cesse à dire qu'on pouvait réformer les abus sans détruire comme on a détruit, ils auraient bien voulu qu'on nettoiyât *l'étable d'Augias* avec un plumeau [Ch: 170]. Придворные, да и все, кто жил за счет чудовищных злоупотреблений, под бременем которых изнывала Франция, без конца повторяют, что все можно было поправить, ничего не разрушая. Послушать их, так для чистки авгиевых конюшен хватит и метелочки [Ш: 92].

Выразительность авторской характеристики основана на контрасте, возникающем между несопоставимыми по масштабам образами мифологического сюжета о подвиге Геракла и образом «метелочки».

Прецедентные тексты имеют семиотический способ существования и могут выступать в качестве целостной **единицы номинации**. У Шамфора наиболее часто в этой роли выступают имена исторических личностей, литературных авторов, персонажей:

Qu'importe qu'il y ait sur le trône un Tibère ou un Titus, s'il a des Séjan pour ministres? [Ch: 182]. Не важно, кто на троне – Тиберий или Тит: в министрах-то ходят Сеяны [Ш: 84].

Имена римских государственных деятелей – Tibère, Titus, Séjan – употребляются в этой максиме как нарицательные имена, служащие для номинации не конкретных людей, а типов деятелей, обладающих качествами соответствующей исторической личности (Сеян – коварный отравитель, готовый на убийство в борьбе за власть, и т.д.). Номинативная роль этих имен усиливается употреблением неопределенного артикля с функцией классификации.

Имена литературных авторов также могут служить целям номинации, обозначая при этом совокупность содержания произведений этих авторов:

Ce qui fait l'intérêt secret qui attache si fort à la lecture de Tacite, c'est le contraste continu et toujours nouveau de l'ancienne liberté républicaine avec les vils esclaves que peint l'auteur; c'est la comparaison des anciens Scaurus, Scipion, etc., avec les lâchetés de leurs descendants; en un mot, ce qui contribue à l'effet de Tacite, c'est Tite-Live [Ch: 183]. Чтение Тацита потому так захватывает, что автор постоянно и каждый раз по-новому противопоставляет былую республиканскую вольность пришедшим ей на смену низости и рабству, сравнивая прежних Скавров, Сципионов и т.д. с их ничтожными потомками. Короче говоря, Тациту помогает Тит Ливий [Ш: 85].

В этой мысли Шамфор приводит имена Тацита и Тита Ливия – римских авторов, обладавших авторитетом для эрудированного читателя.

Упоминание авторов и их произведений, даже если их имена не выполняют номинативной функции, вызывает в памяти читателя представление об общей направленности их творчества и за счет этого служит характеристике описываемых людей и событий, выражению авторской позиции по отношению к происходящему, а порой является и своеобразным способом размышления о стиле и форме в искусстве:

Un plaisant, ayant vu exécuter en ballet, à l'Opéra le fameux *Qu'il mourût* de Corneille, pria Noverre de faire danser *les Maximes de La Rochefoucauld* [Ch: 206]. Некий шутник, побывав в балете и поглядев, как там пляшут знаменитое корнелевское «Умереть», попросил Новерра переложить на танцы «Максимы» Ларошфуко [Ш: 121].

В приведенном анекдоте Шамфор не выражает напрямую своего мнения о целесообразности подобных переходов между видами искусства, но имплицитно передает свое отношение к ним, приводя в качестве сравнения бессюжетную морально-философскую прозу Ф.Ларошфуко.

Обращение к именам предшественников у Шамфора также способствует и **идентификации жанра**. Так, один из текстов Шамфора, посвя-

щенный описанию поведения некоего господина де Б., завершается фразой «J'ai vu plusieurs de ces scènes dignes du pinceau de *La Bruyère*» [Ch: 166] – «Я не раз наблюдал подобные сцены, достойные пера Лабрюйера» [Ш: 150]. Упомянув своего предшественника, Шамфор косвенно проводит параллель не только между г-ном де Б. и типичными героями Ж. де Лабрюйера, но и между жанровой формой собственного текста и созданных Лабрюйером «Характеров».

Прецедентные тексты могут играть роль в **создании характеристики персонажа**, что также соотносится с жанром характера у Шамфора. Целью номинативного употребления имен персонажей является внимание к характерному свойству, типичной примете описываемого персонажа, акцентирование этого свойства:

Je suis honteux de l'opinion que vous avez de moi. Je n'ai pas toujours été aussi *Céladon* que vous me voyez. Si je vous contais trois ou quatre traits de ma jeunesse, vous verriez que cela n'est pas trop honnête, et que cela appartient à la meilleure compagnie [Ch: 357]. Мне совестно, что у вас сложилось такое мнение обо мне. Я отнюдь не всегда был только томным воздыхателем. Расскажи я кое-какие случаи из времен моей молодости, вы убедились бы, что они не слишком-то благовидны и вполне в духе светского общества [Ш: 63].

Упомянутый в качестве самохарактеристики Селадон – персонаж пасторального романа XVII в. «Астрея», исключительно известного в свое время. Имя *Céladon* стало нарицательным в ироническом значении «сентиментальный влюбленный, томный воздыхатель» и даже вошло в устойчивые выражения – *faire le céladon*, c'est un *céladon* [Dictionnaire Le Robert 1972: 675]. Обозначение именно этих черт характера является целью ввода в текст прецедентного имени. Характеризующая роль имени собственного подчеркивается его употреблением в конструкции «aussi *Céladon* que vous me voyez».

Охарактеризованные таким образом качества персонажа не только приобретают **дополнительный экспрессивный оттенок**, но также могут вступать в **противопоставление**:

...J'ai vu Madame de L..., après une jeunesse peu différente de celle de Manon Lescaut, avoir, dans l'âge mûr, une passion digne d'Héloïse [Ch: 152]. ...я был свидетелем того, как г-жа де Л*, чья юность мало отличалась от юности Манон Леско, в зрелые годы питала чувство, достойное Элоизы [Ш: 55].

В приведенном отрывке противопоставляются два уровня нравственности, не называемые эксплицитно, а реконструируемые через контексты двух произведений – аббата Прево и Ж.-Ж.Руссо.

Характеристика качества через прецедентное имя позволяет автору при внешней лаконичности вместить в нее содержание целого романа.

Заметную роль в произведении играют цитаты, которые могут встречаться как в неизменном, так и в перефразированном виде. В ряде случаев цитаты используются для **лаконичного и непрямого выражения авторской мысли**, позволяющего в некотором роде «обойти цензуру» путем **привлечения чужого авторитетного высказывания**:

A voir la composition de l'Académie Française, on croirait qu'elle a pris pour devise ce vers de Lucrèce: *Certare ingenio, contendere nobilitate* [Ch: 372]. Как посмотришь на состав Французской академии, так невольно начинаешь думать, что девизом своим она избрала стих Лукреция: «*Certare ingenio, contendere nobilitate*» (Как в дарованиях они состязаются, спорят о роде (лат.)) [Ш: 77].

В иных случаях цитата, зачастую перефразированная, превращается в **сравнение, иллюстрирующее авторскую мысль**:

Les hommes deviennent petits en se rassemblant: ce sont les diables de Milton, obligés de se rendre pygmées, pour entrer dans le Pandæmonion [Ch: 160]. Собираясь толпой, люди как бы уменьшаются в размерах: они – милтоновы бесы, которые вынуждены превращаться в пигмеев, чтобы уместиться в Пандемониуме [Ш: 18].

В данной максиме сравнение основано на изложении фрагмента поэмы Дж.Мильтона «Потерянный рай».

Ряд текстов Шамфора построен на **обыгрывании той или иной цитаты путем помещения ее в новый контекст**:

«Je n'aime point, disait M..., ces femmes impeccables, au-dessus de toute faiblesse. Il me semble que je vois sur leur porte le vers du Dante sur la porte de l'enfer: *Lasciate ogni speranza, voi che intrate*» ... (C'est la devise des damnés.) [Ch: 356]. Терпеть не могу женщин непогрешимых, чуждых людским слабостям, – говорил М. – Мне все время мерещится, что у них на лбу, как на вратах дантова ада, начертан девиз проклятых душ: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate* [Ш: 217].

Общеизвестная цитата из «Божественной комедии» Данте перенесена Шамфором в контекст личных отношений в обществе.

В некоторых случаях цитата в новом контексте приобретает коннотации, противоположные смыслу оригинального произведения:

Pour les hommes vraiment honnêtes, et qui ont de certains principes, les commandements de Dieu ont été mis en abrégé sur le frontispice de l'abbaye de Thélème: « Fais ce que tu voudras » [Ch: 331]. Для истинно порядочных людей, у которых есть ка-

кие-то правила, и заповеди господни кратко изложены в надписи над входом в Телемскую обитель: «Делай, что хочешь» [Ш: 59].

В произведении Рабле высмеивается институт монашества, поэтому данный принцип Телемской обители подразумевает расхождение между желаниями и праведными поступками человека, разрешая ему поступать согласно своим желаниям. В максиме Шамфора, однако, фраза «*Fais ce que tu voudras*» употреблена по отношению к взглядам людей, праведные поступки которых полностью соответствуют их свободной воле, поэтому противоречие исчезает.

Прецедентность как показатель известности текста адресату служит **смещению регистров в пуанте (развязке) анекдота** [Курганов 1997: 6], способствуя переключению с привычного контекста, заданного в завязке действия, на неожиданную точку зрения:

Le marquis de Chastellux, amoureux comme à vingt ans, ayant vu sa femme occupée pendant tout un dîner d'un étranger jeune et beau, l'aborda au sortir de table et lui adressait d'humbles reproches; le marquis de Genlis lui dit : « Passez, passez, bonhomme, on vous a donné » (Formule usitée envers les pauvres qui redemandent l'aumône.) [Ch: 361]. Маркиз де Шатлю, влюбленный в свою жену как двадцатилетний юнец, был с нею на званом обеде, где все ее внимание поглотил некий молодой и красивый иностранец. Когда встали из-за стола, де Шатлю подошел к жене и кротко стал ее упрекать; тогда маркиз де Жанлис бросил: «Проходи, проходи, добрый человек, ты свое уже получил» (эту фразу обычно говорят нищему, если тот пытается выпросить милостыню вторично) [Ш: 124].

Воздействие этого анекдота построено на том, что расхожая фраза, привычная в определенном типе ситуаций, внезапно для слушателя употребляется в несвойственном для нее контексте. Эффект пуанты анекдота тем сильнее, чем значительнее переосмысливается исходная узнаваемая фраза:

M. de Voltaire, voyant la religion tomber tous les jours, disait une fois: « Cela est pourtant fâcheux; car de quoi nous moquerons-nous? – Oh! lui dit M. Sabatier de Cabre, consolez-vous; les occasions ne vous manqueront pas plus que les moyens. – Ah! monsieur, reprit douloureusement M. de Voltaire, hors de l'Église, point de salut!» [Ch: 381]. Г-н Вольтер заметил однажды по поводу религии, повсеместно приходящей в упадок: «А жаль! Скоро нам нечего будет осмеивать». – «Утешись! – возразил г-н Сабатье де Кабр. – Предмет и повод для осмеяния всегда найдутся. – «Не скажите, сударь! – сокрушенно вздохнул Вольтер. – Вне церкви нет благодати!» [Ш: 158].

Так, в этом анекдоте переосмысливается изречение Киприана Карфагенского «Hors de l'Église il n'y a pas de salut» (в латинском оригинале – «Extra Ecclesiam nulla salus»). Эстетическое воздействие анекдота связано с резким контрастом между возвышенным контекстом оригинальной фразы и безусловно сниженным характером ее употребления в диалоге, на котором построен анекдот.

Таким образом, частое обращение к прецедентным явлениям – одна из ярких характеристик творческой манеры Шамфора. Их роль в структуре его малоформатных текстов многообразна: прецедентные тексты за счет известности адресату способствуют реализации коммуникативной направленности речевых жанров максимы, мысли, характера, анекдота; являются одним из средств достижения афористичности авторского стиля; служат средством создания художественной характеристики ситуации или персонажа; выступают в качестве единиц номинации; способствуют идентификации жанра; делают возможным косвенное выражение мысли и ее подтверждение высказыванием авторитетного лица; являются выразительным средством сравнения; в ряде случаев обыгрывание того или иного прецедентного текста – это основная смысловая составляющая малоформатного произведения.

Список литературы

Бажалкина Н.С. Афоризм и афористичность: соотношение понятий // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. М.: Изд-во МГОУ, 2009. Вып.8. С. 25–32.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Курганов Е.А. Е.Я. Анекдот как жанр. СПб.: Акад. проект, 1997. 123 с.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., Лабиринт, 2007. С.7–38.

Шамфор С. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты / изд. подг. П.Р.Заборов, Ю.Б.Корнеев, Э.Л.Линецкая. М.: Науч.-изд. центр «ЛАДОМИР»–«НАУКА», 1993. 291 с.

Chamfort S. Œuvres: texte intégral des Produits de la civilisation perfectionnée (Maximes et Anecdotes) présentés selon une classification nouvelle, choix d'essais, lettres et dialogues / Chamfort ; avec une introduction des notes et des appendices par Claude Roy. Paris: Club Français du livre, 1960. 421 p.

Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert. Paris: Société du nouveau Littré LE ROBERT, 1972. Vol.1. 1080 p.

THE PHENOMENON OF PRECEDENCE IN CHAMFORT'S "MAXIMS AND ANECDOTES"

Marina Yu. Ivonina

**Post-graduate Student of Roman Philology Department
St. Petersburg State University**

Chamfort's «Maxims and Anecdotes» contains texts belonging to several short-format speech genres. The genres are characterised by the compressed style of expression and special aesthetic emphasis of every element of the text. One of the means Chamfort used to achieve this effect is the precedent: quotations, titles of works, names of their authors and characters and etc. Precedent texts are means to achieve the aphoristic style and the expressive characterisation of a situation or a personage; they serve for implementation of communicative nature of speech genres, they are used as units of nomination, and also can be used for identification of the genre by the reader.

Key words: precedent texts; names; Chamfort; short-format speech genres; aphoristic style.